

СУББОТНИЙ БЕСЕДНИК

Белорусская оперная дива Анастасия Москвина знакома всем меломанам и гостям Национального академического Большого театра оперы и балета. Татьяна в «Евгении Онегине», Лиза в «Пиковой даме», Лиу в «Турандот», Мими в «Богеме», Аида, Иоланта, Микаэла в «Кармен», Сента в «Летучем голландце» — редкой красоты голос, редкой красоты актриса, серьезный драматический талант... Буквально несколько дней назад Москвина получила звание народной артистки. А ведь было время, когда она не помышляла об опере и петь хотела просто «для себя».

ВЫСШИЙ ВОКАЛЬНЫЙ ПИЛОТАЖ

«Евгений Онегин»

Фото Виталия Гила

Фото Виталия Гила

— Анастасия, как вы себя чувствуете в новом статусе?

— Когда-то мы рассуждали о народных артистах как о богах на Олимпе — они казались недостижимыми. И вдруг я вошла в их число. Если честно, пока что даже не могу до конца соотнести себя с этим понятием. Получать такие награды — престижно, приятно и ответственно. И конечно, как бы ты ни пел, какой бы ты ни был великолепный и талантливый, тебя должны поддерживать твои коллеги и руководство. Благодаря нашему генеральному директору Владимиру Гридюшко у нас в театре сейчас такое большое количество наград и поощрений со стороны государства, какого долгие годы не было. Он сумел привлечь в Большой театр огромное количество людей, вернуть моду на посещение оперы и балета. Государство очень активно поддерживает культуру. Важно сознавать, что тебя ценят и слушатель, и твоя страна. И конечно, успех невозможен без серьезной команды: дирижеров, режиссеров, концертмейстеров. Особенно приятно, что концертмейстер—пианист, с которым я разучиваю все мои партии, — Светлана Колос, дочь моего педагога, настоящий профессионал своего дела.

— Если говорить о людях, жизни, творческом пути, кто сыграл роль в вашей судьбе?

— Родители и педагоги в первую очередь. А затем соратники по искусству, по профессии, которые помогали мне и продолжают помогать. Прежде всего, конечно, спасибо родителям, потому что голос — это дар божий, который они вовремя заметили и привели меня в музыкальную школу, ее и окончила по классу скрипки. Многие поют, но не у каждого есть способности для серьезных занятий академическим вокалом.

— А как пришли именно к оперному пению?

— Учиться в музыкальной школе можно на любом инструменте, а поют дети в общем—то все. В моем советском детстве была развита хоровая культура, везде были певческие коллективы, и это здорово, я считаю. После музыкальной школы моим родителям советовали: раз уж у вашей дочери есть голос, отдайте ее в музыкальный хор. Но я туда не пошла. А в 10-м классе у нас в Минске в школе № 136 организовались первые театральные классы. Мне подруга сказала, что идет на прослушивание, и позвала за компанию. В результате меня взяли, а ее нет.

— Вечная история!

— Вот так я заблела драматическим театром. У нас преподавали ведущие актеры! Хотя не могу сказать, что я как-то вдруг попала в творческую среду. Родители всегда ходили в театр, в доме были пла-

стинки, постоянно звучала музыка. Я была такая девочка—ангел с гитарой, в 9-м классе мой крестный мне принес инструмент, и я занималась с педагогом. Пела бардовские песни, романсы из кинофильмов. После окончания школы поехала пробоваться в Москву и в Петербург в театральные вузы.

— Провалились?

— Да. Часто поступить не удается с первого раза, но я с юношеским максимализмом решила: значит, московские театральные училища — не моя судьба. Поступила в университет культуры и искусств, окончила его по специальности «режиссура театрального коллектива». Но все-таки искала педагога для занятий вокалом. И вот знакомый привел меня в консерваторию к народной артистке Лидии Галушкиной, я брала у нее уроки по постановке голоса. Через год поступила в Академию музыки в класс заслуженной артистки, профессора Людмилы Колос. У нее замечательная школа, я считаю, что она — один из лучших наших педагогов европейского уровня.

— С Большим театром оперы и балета у вас роман сложился не сразу?

— После окончания консерватории я пела прослушивания в оперном театре и в музыкальном. В мюзикомедию меня взяли и предложили сразу исполнять Розалинду в «Летучей мыши» — а это одна из сложнейших партий в классической оперетте. А в Большой театр попасть мне удалось лишь с четвертой попытки. И то сперва на четверть ставки, потом три года на половину. Сейчас молодым артистам легче, потому что есть стажерская группа.

— В итоге, с точки зрения вашей личной судьбы, выбор профессии оказался верным?

— Я все еще счастлива петь и понимаю, что выбрала дело, которое мне приносит удовольствие. Никто на оперную сцену просто так не попадает, слишком это сложно. Во-первых, из-за того что у нас в Беларуси один театр и в него невозможно взять всех талантливых людей. А потому берут лучших из лучших. Во-вторых, опера — это не театр юных. Некоторые партии ты можешь петь до пенсии, поэтому места так быстро не освобождаются.

— В обычном театре возрастная смена ролей происходит быстрее...

— У нас она тоже есть, не будешь же ты в 60 лет петь Татьяну в «Евгении Онегине». Но у нас срабатывает еще один интересный временной момент: есть то, что, будучи молодым и подходя по сюжету на роль, ты не можешь спеть даже чисто физически. Так, чтобы это было для тебя безболезненно, чтобы при 2—3 спектаклях в месяц у тебя ничего не случилось с голосом.

— Вы преподаете в Академии музыки. Дозрели до того, чтобы передавать опыт молодежи?

— Меня пригласила в консерваторию мой педагог Людмила Колос: «Возьми пару студентов и потихонечку их готовь, все равно когда-нибудь ты сюда придешь работать». На самом деле я просто перешла из одного учебного заведения в другое, более узкой направленности. До этого 8 лет преподавала в педагогическом университете им. М.Танка. Но это все, конечно, влияет на голос, и по большому счету еще лет 10 я могла бы преподаванием не заниматься, а только петь. Другое дело, что работа со студентами доставляет мне удовольствие.

— Что самое для вас сложное в работе оперной певицы?

— Выход на сцену, когда на тебя смотрит тысяча человек. И ты должен быть одновременно и с ними, и отключиться от них, не переживать, что о тебе подумал мужчина с третьего ряда. Мнительность мешает. Особенно если в зале сидит кто-то из близких. И одновременно зная, что на тебя смотрят люди, ты должен не закрыться, а, наоборот, открыться, как будто это лучшие твои друзья и ты можешь им рассказать о себе все: как ты любишь, как ты ненавидишь... Потому что в разных ролях и образах, но все-таки мы играем сами себя.

— Наши музыканты сейчас очень ценятся за рубежом. А в какие проекты приглашают вас?

— В московском Большом театре мне довелось петь в течение 5 сезонов — это очень приятно и престижно. В последнее время сотрудничаю с народным артистом РСФСР Михаилом Плетневым и Российским национальным оркестром: выступаем с операми в концертном исполнении в Московской филармонии, и на гастроли мы с ним ездили в Японию. В этом году я пела «Иоланту», в прошлом году ставили «Кощея Бессмертного» Римского-Корсакова. Да и в целом очень много разных интересных проектов. Но, конечно, ничего бы этого не было, если бы не мой многолетний опыт работы в нашем театре. Я приезжаю на зарубежные площадки — и чувствую себя комфортно. Но где я всему научилась? Здесь, у нас, я — made in Belarus, продукт нашей белорусской певческой школы. Часто спрашивают: «Где вы учились? Наверное, в Италии?» И я с гордостью отвечаю: «Нет, в Минске, у белорусской певицы Людмилы Колос!» Могу сказать, что я не одна такая: у нас очень много певцов, которые выступают на разных международных площадках и показывают высокий класс. Это говорит о том, что труппа Большого театра находится сейчас в хорошей форме. И мне очень приятно работать в этом коллективе, я счастлива в своей профессии.

■ Ирина ОВСЕПЬЯН.

ovsepyan@sb.by

Фото Сергея Лозюка